

Юлия Беринг

В ГРУШКА
ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.

Ты снял фильм о том, как ломал меня!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого
наследника. Ты снял фильм
о том, как ломал меня!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты снял фильм о том, как ломал меня! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Мою дипломную работу украла богатая дочь ректора. А жестокий наследник медиахолдинга Артём Ветров предложил помощь.— Хочешь диплом, Полина? Напишешь для меня сценарий. Иначе твой отец потеряет работу за долги! Я согласилась. Он заставлял меня унижать однокурсников, разрушил мою репутацию, лишил друзей и позволил выгнать меня из академии. А потом перевёл пятьсот тысяч рублей.— Это гонорар, Полина. Ты сыграла главную роль в моём новом фильме! Оказалось, Артём тайно снимал моё падение, превращая слёзы в коммерческий шедевр. Но он совершил ошибку. Забыл, что я тоже сценарист. Теперь я сниму собственный фильм, разоблачу его жестокую игру и перепишу финал нашей истории!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты снял фильм о том, как ломал меня!

Глава 1

Мои пальцы сжимаются вокруг ремня сумки так, что костяшки белеют. На столе Даши Гром лежит переписанная мной тетрадь «Эхо». Бумага и чернила, в которых моя жизнь, мой диплом, мой единственный шанс вырваться из этой дыры под названием «Академия Мираж». Даша даже не удосужилась закрыть дверь гримёрки. Считает, что я и при свидетелях ничего не отберу.

— Нищевродка, — её голос сочится ядом, сладким и липким, как прогоркший мёд. Даша не смотрит на меня. Она листает мои страницы, и каждый шорох бумаги звучит как пощёчина. — Ты думаешь, если напишешь пару красивых фраз о боли одиночества, это сделает тебя автором? В этом мире важна только фамилия. А у тебя за спиной пустота.

Я делаю шаг вперёд. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

— Отдай. Это моя работа.

— Твоя? — Даша хмыкает, поднимая глаза. В них нет злости, только скука хищника, играющего с мышью. — Если ты не признаешь, что идея была моей, а исполнение твоим, я выброшу это в окно. И скажу ректору, что ты пыталась подделать подпись декана на заявке. Знаешь, чем пахнет отчисление? Оно пахнет нищетой. Твои родители будут счастливы узнать, что их дочь наконец-то нашла работу уборщицей.

Охранник в дверях делает шаг ко мне. Не грубо, но железно. Его рука ложится на моё плечо, словно припечатывая к полу.

— Девушка, вам лучше уйти. Конфликт с дочерью ректора... это конец карьеры. Даже для вас.

Меня выталкивают в коридор. Спина горит от унижения, но внутри кипит холодная ярость. Я знаю их правила. Здесь побеждает тот, кто играет грязнее.

В общежитии тихо. Я залезаю на стул в своей комнате, открываю решётку вентиляции и прячу настоящую тетрадь «Эхо» там, в пыли и темноте. У Даши осталась копия с грубой ошибкой: финальная сцена, где герой должен плакать, написана капсом посреди предложения. Я оставила эту пометку при переписывании. Теперь цепляюсь за неё как за ловушку. Даша сдаст брак, опозорится перед потоком, и тогда я смогу вернуть своё имя.

Я выхожу в коридор, чувствуя лёгкость. План работает. Идеально.

— Красивый жест, Полина. Но логика хромает на обе ноги.

Голос принадлежит Артему Ветрову. Он сидит в тени угла, закутанный в чёрный шарф, сигарета тлеет в его пальцах, выпуская сизые змейки дыма. Призрак академии. Тот, кого все боятся и никто не понимает.

— Ты знаешь, где оригинал, — это не вопрос. Это констатация факта. Мой желудок сводит судорогой.

— Я следил за вами обеими ради своего документального проекта, — он усмехается, и в этой улыбке нет тепла, только цинизм режиссёра, наблюдающего за актёрами. — Ты думала, что перехитрила королеву? Даша сдаст твою подделку, а потом объявит во всеуслышание, что ты специально саботировала процесс, чтобы подставить её. Ректор поверит ей. Она покажет переписку, где ты обещала переписать ей финал. Про авторство сообщения нет. Угадай, что ректор прочтёт вслух.

— Зачем тебе это? — шепчу я.

— Мне нужна драма, Полина. А ты слишком предсказуема.

Артем встаёт, стряхивая пепел.

— Есть третий путь. Либо Даша признается в краже сегодня вечером на общем собрании потока, либо ты станешь обвиняемой в клевете и фальсификации документов. Выбирай.

Он достает телефон, показывает экран. Там пересланное куратором уведомление: «Полина, твою заявку на защиту перенесли на завтра из-за подозрений в фальсификации документов. Явишься к деканату в 8 утра».

Это блеф. Я чувствую это кожей. Но страх потери диплома парализует волю. Завтра может не наступить для меня как для студентки.

Я вышла из академии поздним вечером. Дождь не думал кончаться, и я не стала прятаться под козырёк — после его слов всё равно было некуда спешить.

Дождь барабанит по крыше Академии, превращая мир в серое размытое пятно. Холод пробирает до костей, проникает под тонкую футболку, но я стою ровно. Передо мной Артем. Без зонтика, без шарфа. Только мокрая рубашка, прилипшая к груди, и взгляд, который видит насквозь.

— Условия сделки, — говорю я. Голос дрожит, но слова четкие.

— Ты пишешь для меня сценарий разоблачения Даши. Используешь те факты, которые я дам. Но главное правило: ты должна сделать так, чтобы она добровольно призналась в своих пороках на камеру. Я установлю её в гримёрке. Одна фраза. Одно признание. И я уничтожаю улики против тебя.

— Это психологическая война, — понимаю я.

— Искусство всегда было войной, — он пожимает плечами. — Соглашайся. Или уходи и жди звонка полиции.

Я молча киваю. Под футболкой липнет к спине холодная ткань. Артем убирает телефон, а я остаюсь под дождём, уже зная, куда пойду: к Даше. Он велел сначала выманить её из столовой в гримёрку, к установленной камере.

Столовая была в соседнем крыле. Я шла туда по пустым коридорам, успокаивая дыхание, и повторяла про себя его инструкцию: выманить Дашу из-за стола и увести к установленной камере.

Столовая гудит от голосов студентов. Запах дешевой еды и дешевого парфюма бьет в нос. Я вижу Дашу у окна. Она смеется над чьей-то шуткой, поправляя идеальные локоны. Внутри меня всё переворачивается от отвращения. Нужно спровоцировать её. Нужно быть холодной. Маска. Артем сказал: держи маску.

Я подхожу к их столу. Пальцы холодеют.

— Даша, можно секунду? О честности в искусстве.

Тишина падает мгновенно. Все взгляды обращаются на нас. Даша медленно поворачивается. Её улыбка становится острой, как бритва.

— Честность? — она оглядывает мою потертую куртку, мои туфли с протертой подошвой. — Ты говоришь о честности, когда твой вкус стоит дешевле, чем мой кофе? Посмотри на себя. Ты мелочь. Ты амбиции для бедных. Тебе нечего терять, кроме собственного достоинства, которое ты уже потеряла.

Смешки вокруг становятся громче. Кто-то снимает на телефон.

«Держи маску», — кричит разум.

Но боль сильнее логики. Боль от того, что моя жизнь, мои слова, моя тетрадь в вентиляции — всё это стало игрушкой для избалованного ребенка.

— Ты украла «Эхо»! — мой крик рвется из горла, дикий и неконтролируемый. — Ты вор! Ты ничтожество, которое не способно написать и строчки без чужого текста!

Зал на миг замолкает. Потом от соседнего стола доносится смешок. Даша даже не возмущается. Она лишь поднимает бровь, будто я сказала глупость.

— Бедная девочка сорвалась, — произносит она мягко, для камер. — Нервы. Стресс перед защитой. Жалко.

Я стою посреди столовой, оплёванная публичным презрением. Лицо горит. Руки трясутся. Я провалилась. Полностью.

Остаток дня я просидела в общежитии, не в силах взяться за конспекты. Вечером пришлось выйти: Артем назначил встречу в монтажной, и отказа он бы не принял.

Монтажная комната погружена в полумрак. Экран монитора светится голубым холодом. Артем сидит в кресле, крутя в руках ручку. На экране — запись нашего разговора на крыше. Потом — кадр из столовой, где я ору на Дашу, а зал смеется надо мной.

— Сделка сорвана, — говорит он спокойно.

— Я могу объяснить...

— Нет. Ты не можешь. Ты непрофессиональна. Ты эмоциональна. Ты слаба.

Он поворачивается ко мне. Впервые за весь вечер он улыбается. Не злобно. Почти нежно. И от этого мне становится страшно до тошноты.

— Я не хотел, чтобы ты победила Дашу, Полина.

Что?

— Я хотел увидеть, как ты сломаешься.

Он встает, подходит ближе. Его шаги глухи на ковре.

— Твоя боль — лучший материал для моего нового фильма. Ты не просто студентка. Теперь ты героиня моей драмы. И ты будешь играть эту роль до конца семестра. Даже если я буду унижать тебя каждый день. Потому что только сломанная вещь может стать искусством.

Мир качается. Он использовал меня. Не для справедливости. Не для помощи. Для своего тщеславия. Я пешка. Я жертва. Я материал.

Артем протягивает мне новый блокнот. Кожаная обложка пахнет старыми книгами и табаком. На ней тиснёными буквами выбито: «Не. Диктуй. Мой. Сценарий.»

— Начинаем писать, — шепчет он, нависая надо мной. Его дыхание щекочет ухо. — Сегодня ты потеряешь сон. Завтра — друзей. А послезавтра... возможно, себя. Но зато ты будешь жить в кадре.

Свет в монтажной резко гаснет. Темнота поглощает меня целиком. В тишине слышен только один звук — сухой, металлический щелчок затвора камеры.

Глава 2

На следующее утро, перед назначенным разбором у деканата, я вернулась в пустую Дашину гримёрку. Тетрадь «Эхо» лежала в её папке под титульным листом с фамилией Гром. Я забрала её — не оригинал из вентиляции, а вчерашнюю переписанную копию. На лестнице меня окликнула Даша.

— Что это у тебя?

Она подняла телефон объективом ко мне.

— Я забрала свой текст из твоей папки.

— Бедная Поля, ты просто не знаешь, как работают большие деньги.

Я отвернулась — и налетела на Артема. Он перехватил папку, показал на ближайшую камеру и велел идти за ним. Теперь мои пальцы дрожали, когда я толкнула дверь гримёрки №4. Внутри пахло застарелым потом, дешёвой краской для лица и чем-то металлическим — запахом страха или власти, я ещё не научилась их различать. Воздух здесь был гуще, вязкий, как смола, и от этого хотелось чихнуть, но я сдержалась. Страх парализовал горло.

Артем Ветров сидел на перевёрнутом ящике из-под реквизита. Он даже не посмотрел на меня. Его светлые волосы падали на лоб, скрывая глаза, а длинные пальцы лениво листали финал «Эха», который Даша собиралась сдать как свой диплом. На записи без звука я выглядела воровкой, выносящей чужую папку. Он получил новые улики вместо тех, которыми обещал шантажировать вчера. Сейчас текст выглядел безобидно, почти смешно в его руках. Будто это была не моя жизнь, поставленная на кон, а чья-то дурацкая брошюрка по тайм-менеджменту.

— Верни, — выдохнула я. Голос сорвался, прозвучав тонко и жалко, как писк мыши. Я сделала шаг вперед, пытаясь придать себе вид хищника, но колени подогнулись. — Это интеллектуальная собственность академии. И моя тоже. Если ты не вернёшь этот листок прямо сейчас, я пойду к ректору. Я скажу всё. Про кражу, про твои методы, про то, как ты играешь людьми.

Артем перевернул страницу. Бумажный шорох прозвучал в тишине выстрелом. Он наконец поднял голову. Его глаза были цвета мутного стекла, пустые и холодные. На них не было ни злости, ни удивления. Только скука.

— Полина, — протянул он, растягивая имя, будто пробовал его на вкус. — Посмотри на часы. У тебя четверть часа до закрытия приёмной комиссии курсовых работ в системе «Мираж». Если ты сейчас уйдёшь и побежишь к ректору, ты опоздаешь. Твоя работа не будет принята. Не потому что её украл я. А потому что ты, студентка выпускного курса, не умеешь управлять временем. Это твоя личная недисциплинированность. Ректор не будет слушать истерику о плагиате от человека, который просрочил дедлайн. Ты станешь не жертвой, а виновником собственного провала.

Ловушка захлопнулась тихо и неотвратимо. Моё сердце пропустило удар, затем заколотилось где-то в горле, отдаваясь эхом в висках. Он знал. Он всегда знает время лучше, чем я знаю свои слова.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони; боль помогла перестать дрожать. Нужно было блефовать. Нужно было показать, что у меня есть козырь, что я не та безликая мышь, которую он видит перед собой.

— У меня есть копии, — выпалила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри всё холодело от осознания собственной наивности. — Облако, скриншоты переписки с Дашей, метаданные файлов. Всё сохранено в трёх разных аккаунтах. Если ты думаешь, что можешь просто так стереть мои доказательства...

Артем усмехнулся. Это была странная улыбка, не добрая, а скорее оценивающая, как у коллекционера, рассматривающего редкую бабочку перед тем, как приколоть её булавкой. Он медленно достал свой телефон, разблокировал экран и повернул его ко мне. На дисплее был открыт интерфейс администратора внутренней сети академии.

— Смотри внимательно, Полина. Я бывший методист. Я знаю каждую дыру в этой системе лучше, чем её создатели. Копии на диске академии? Удалены. Все три аккаунта, которыми ты хвастаешься, привязаны к одной учебной учётке. Метаданные сервера, которые ты собиралась использовать как доказательство? Переписаны моим скриптом десять минут назад. Твой личный кабинет в системе сдачи работ заблокирован за «нарушение этики общения с преподавательским составом». Скриншоты можешь сохранить. Только комиссия получит выгрузку от администратора, а она теперь показывает, что ты пыталась взломать чужой аккаунт. То есть Дашин. Будешь объяснять, какая картинка настоящая, пока закрывается приём заявок.

В комнате стало темно, хотя лампы горели ровно. Меня трясло мелкой дрожью, которая начиналась от ступней и ползла вверх, к груди. Техническое превосходство. Абсолютное, неприступное. Он не просто играл в игры, он владел правилами физики этого места. Мои аргументы разбились о стену его равнодушия и ресурсов, оставив после себя только пыль.

Отчаяние смешалось с яростью. Я не могла молчать. Я должна была хоть что-то сделать, хоть как-то проявить себя, иначе я растворюсь в его тени навсегда.

— Ты садист! — крикнула я, и звук ударился о бетонные стены, вернувшись глухим эхо. — Просто отдай мне черновик! Я перепишу всё заново за ночь! Я могу, слышишь? Я напишу лучший вариант, если ты дашь мне возможность работать честно!

Артем засмеялся. Коротко, сухо, без веселья. Этот смех царапал уши.

— Честно? — Он покачал головой, отбрасывая прядь волос со лба. — Переписать за ночь? До дедлайна считанные минуты, Полина. Даже если тебе дадут отсрочку, твой стиль узнаваем. Твоя интонация, ритм предложений, даже ошибки в пунктуации — это подпись. Даша уже зарегистрировала твой сюжет под своей фамилией. Комиссия сравнит новый вариант с её заявкой. Если ты сдашь «сырой», панический вариант, комиссия увидит не талант, а страх. Они заметят низкое качество и нервозность. Тебя отчислят за непрофессионализм. Единственный способ спасти диплом — написать то, что нужно мне. То, что спасёт нас обоих, но сначала — меня.

Последняя надежда на честный труд испарилась, как роса под солнцем. Осталась только грязь.

Дверь распахнулась с резким скрежетом. На пороге стояла Даша Гром. Её идеальная укладка не дрогнула ни на миллиметр, хотя она только что выбежала из душа после тренировки. Она обвела комнату взглядом и задержалась на моей смятой футболке, потом на папке у Артема на коленях.

— Неужели эта нищесборка теперь твоя муза, Артем? — спросила она ехидно, её голос был сладким, как яд. Она шагнула внутрь, игнорируя моё присутствие, и остановилась напротив него. — Ты серьёзно снижаешь планку? Или тебе нравится запах бедности?

Я замерла. Шанс. Сейчас можно было сказать правду. Можно было указать на неё, на украденный текст. Но страх спалил язык. Если я заговорю, он уничтожит меня мгновенно. Я промолчала, опустив глаза, чувствуя себя ничтожеством, которое даже не может защитить своё достоинство в присутствии врага.

Артем не ответил сразу. Он посмотрел на меня. Его взгляд был тяжёлым, физически ощутимым, как рука на плече. Он читал мои мысли, или мне так казалось. Затем он повернулся к Даше.

— Она пишет лучше тебя, — сказал он спокойно, не повышая голоса. — И дешевле.

Лицо Даши исказилось. Покраснело от унижения, которое он нанёс одной фразой, сравнением, которое ставило её ниже самой дешёвой статистки.

— Папку верни потом, — бросила она, ткнув ногтем в тетрадь на его коленях. — И эту не забудь выкинуть.

Она развернулась на каблуках и вылетела из гримёрки, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Тишина вернулась, но стала другой. Тяжёлой. Давящей.

Я выдохнула, но облегчения не почувствовала. Наоборот, меня затошнило. Он победил мою врагиню, но сделал это ценой моего достоинства. Я стала частью его игры, инструментом в его руке. Мне стало тошно от собственной слабости.

Глава 3

Нужно было уйти. Прямо сейчас. Пока он снова не начал говорить. Я схватила сумку, надела её на плечо и рванула к двери. Моя рука легла на холодную ручку.

Артем встал. Одно движение. Он не спешил. Он обошёл меня, распахнул дверь и встал в проёме, перекрыв выход плечом. Я даже протиснуться мимо не могла.

— Куда? — спросил он.

— Домой, — прошептала я. — Я не буду с тобой играть.

Он склонился ближе. От него пахло дорогим табаком и холодным металлом.

— Долг твоего отца перед фондом академии, — произнес он ровным, деловым тоном, словно зачитывал счет за коммунальные услуги. — Восемьсот тысяч рублей. Просрочка уже началась. Если ты выйдешь за эту дверь и откажешься сотрудничать, я отправлю уведомление в службу безопасности фонда и ректорату. Твой отец потеряет работу. Тебя выселят из студенческого общежития. Родителей — из служебной комнаты при павильоне, где работает отец. Адрес тоже здесь. Всех троих.

Новизна удара оглушила. Ставка была не в учёбе. Ставка была в жизни вне стен академии. Семья. Мама, которая и так еле сводила концы с концами. Папа, который работал ночами, чтобы я могла учиться здесь. Он назвал адрес комнаты, где мама сушила мои вещи над обогревателем. Я прежде никогда не говорила ему, где живут родители.

Бешенство вскипело в животе, горячее и разрушительное. Я схватила со стола стакан с водой, который кто-то забыл, и плеснула воду в лицо Артему. Пустой стакан остался в моей руке.

Он не увернулся. Вода хлопнула, окатив его рубашку, стекая по лицу, каплями падая на пол. Он стоял неподвижно, позволяя воде стекать с ресниц. Медленно, методично, он достал платок из кармана брюк и вытер лицо. Каждое движение было спокойным, контролируемым.

— Честь не кормит, Полина, — сказал он, бросая мокрый платок на стол. Звук был мягким, почти нежным. — Твой талант — да. Но только если ты научишься им управлять, а не прятаться за моралью, которой нет у тех, кто стоит выше тебя.

Я поставила стакан обратно. Артем набрал что-то в телефоне, и на моём экране появилось уведомление: «Заявка принята условно. До защиты допущена после проверки». Четверть часа кончилась. Он мог открыть мне дверь в систему — и специально ждал, пока я перестану сопротивляться.

Он положил передо мной лист бумаги. Одна страница. Текст был набран печатным шрифтом, аккуратный и беспощадный.

— Условия просты. Ты пишешь сценарий моей личной жизни. Разоблачение Даши. Правдивое, жестокое, детальное. Неделя. В обмен я гарантирую тебе диплом с отличием и защиту от любого скандала. Отказ означает мгновенное отчисление, позор и конец карьеры твоей семьи.

Я смотрела на бумагу, не решаясь коснуться её. Чернила казались живыми.

— Почему я? — спросила я, и мой голос был едва слышен. — Почему именно этот сценарий? У тебя весь курс под рукой.

Артем впервые за этот разговор изменил тон. Исчезла театральность, исчезла жестокость. Осталась только тихая, почти болезненная искренность.

— Потому что ты единственная, кто видел меня таким, какой я есть, и не отвела глаза, — сказал он, глядя мне прямо в душу. — Ты пишешь правду, даже когда врут другие. Мне нужна правда о Даше. А тебе нужна моя защита. Мы оба в грязи, Полина. Давай сделаем из неё искусство.

Лист всё ещё лежал между нами, но я уже не смотрела на строчку для подписи. Он искал равного? Хотел, чтобы я стала игроком, а не жертвой? После воды на лице и угроз отцу это казалось безумием. И всё же я ловила его взгляд, жадно, стыдно, надеясь, что сейчас он не врёт.

Я взяла ручку. Пальцы дрожали так сильно, что я с трудом удержала предмет. Поднесла к бумаге. Остановилась. Взгляд упал на строчку: «Подпись исполнителя».

Если я подпишу, я продам себя. Если нет, я потеряю всё остальное.

Ручка коснулась бумаги. Чернила растеклись, как кровь, впитываясь в волокна. Я написала своё имя. Оно выглядело чужим, ломанным.

Артем забрал контракт, аккуратно сложив его вчетверо. Он улыбнулся уголками губ, и от этой улыбки по спине побежали мурашки.

— Первый урок, — произнес он, разворачиваясь к выходу. — Никогда не пиши финал, пока не знаешь, кто платит за чернила.

Свет в гримёрке резко погас. Темнота обрушилась на меня физической массой. Я осталась одна, в абсолютной тишине, слыша только гулкое эхо его удаляющихся шагов в коридоре. Контракт был заключен. Призрак получил тело. А я получила цепи.

Блокнот хрустнул в моих пальцах, как сухая ветка. Я сидела на полу своей каморки в общежитии, окруженная скомканными листами, и ненавидела себя за дрожь в руках: впервые за эти дни мне не терпелось дописать сцену, а не сбежать. Стрелки часов ползли к трем ночи, но сон был недоступной роскошью. Мне нужно было написать смерть Даши Гром. Не физическую — социальную. И сделать это так красиво, чтобы ректор сам захотел её выгнать.

«Скучно», — повторяла я про себя его вчерашний приговор. Сам Артем стоял за дверью, курил, и дым проникал сквозь щели, смешиваясь с запахом дешевых чернил и моего пота.

Я переписала сцену пятый раз. Даша выглядела глупой, но не мерзкой. Она просто ошибалась. Это была жалкая комедия положений, а Артем хотел трагедию распада личности. Он хотел крови.

В дверь постучали. Три коротких удара, потом два длинных. Наш код доступа к нашему же аду.

— Входи, если не боишься испачкать костюм, — процедила я, даже не поднимая глаз.

Артем вошел, будто он был хозяином этого прогнившего матраса, а не гостем. Он забрал блокнот из моих рук одним движением, ловким, как у фокусника. Пробежал глазами по тексту, и уголки его губ скривились в усмешке, от которой у меня свело челюсти.

— Детский сад, Полина. «Она забыла реплику»? Seriously? Ты думаешь, публика верит в случайность? Люди хотят видеть злой умысел. Они хотят знать, что она купила эту роль. Буквально.

Он начал диктовать, нависая надо мной, как грозовое облако. Его голос был низким, бархатным и полным яда. Он сыпал деталями, которые я не могла знать: даты встреч с продюсерами, суммы переводов, имена тех, кто молчал.

— Напиши диалог, где она признается, что переспала с жюри, чтобы получить главный приз на прошлогоднем фестивале. Используй её лексику. Словечки, которые она лепечет перед камерой: «вайб», «токсичный», «эмоциональный интеллект». Пусть они звучат грязно в её устах.

Меня замутило.

— Я не видела этого, — сказала я, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Это ложь. Если я напишу то, чего не знаю, я стану такой же, как ты. А я хочу быть автором, а не палачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.